

Народному депутату СССР
Генеральному прокурору Союза ССР
тов. СУХАРЕВУ А.Я.

Уважаемый Александр Яковлевич!

Обращаюсь к Вам, видному советскому юристу, как разведчик-нелегал, боевик, работник внешней разведки органов государственной безопасности с заявлением снять с меня, более двадцати Героев Советского Союза, руководителей международного коммунистического движения, провокационные, клеветнические обвинения, записанные в обвинительном заключении Прокуратуры и приговоре Военной коллегии от 12 сентября 1958 года о том, что мы якобы являемся "особо" доверенными лицами бывшего наркома внутренних дел СССР Л.П.Берия."

Вопреки требованиям закона, ни в обвинительном заключении, ни в приговоре не приведено ни одного конкретного факта или доказательства якобы совершенных мною и моими подчиненными преступлений.

Прокуратура и Верховный Суд в нарушение конституции в письменном виде отказали мне и моей семье в допуске защитника по делу, хотя в 1956 году, за два года до суда Президиум Верховного Совета СССР запретил рассматривать такого рода дела в "закрытом порядке", без участия защитника.

Я был арестован 21 августа 1953 года. Моему аресту предшествовали следующие обстоятельства. Во-первых, сказала неприязнь ко мне И. Серова, претендовавшего после ареста Берия на пост руководителя органов государственной безопасности. Серов знал, что я видел в нём некомпетентного в чекистских делах руководителя, допустившего грубейшие ошибки при арестах во Львове, когда он был наркомом гос. безопасности УССР. Выискивая "негатив", он добился использования лживых показаний Церетели и Кобулова, которые стремясь принизить свою вину и отвлечь внимание от собственных преступлений путем согласия на клевету и ложные показания против честных и неугодных Серову работников гос. безопасности. В их числе был оклеветан я, подчиненные мне Эйтингон и Серебрянский. Имея такие "данные", Серов получил согласие "сверху" и арестовал меня без санкции прокурора /санкция была дана Руденко позже.

В таких сложных условиях следователь прокуратуры Цареградский пошел на поводу указаний "сверху". В одну из ночей Руденко и Цареградский предъявили мне совершенно нелепое обвинение об участии моем в заговоре с целью захвата власти и реставрации капитализма в СССР.

Ни на предварительном следствии, которое велось с обвинительным уклоном, психологическим и физическим давлением, ни в суде я виновным себя не признал и не признаю. Мои возражения и ссылки на оправдательные документы и факты обходились молчаливым. Так было и в ходе

последней беседы в Прокуратуре СССР с сотрудниками Андреевым и Пышкиным 10 августа 1988 года.

Несмотря на мои многочисленные ходатайства меня до сих пор не ознакомили с протоколом судебного заседания, ущемляются и другие мои права.

Сотрудники Прокуратуры по существу отказываются выполнять поручения КПК при ЦК КПСС и Верховного Суда СССР по проверке фактических обстоятельств и документов дела. Так, на мое последнее заявление, с изложением фактов беззаконий и фальсификаций в КПК, Прокуратуры и Верховный Суд СССР от 16 июля 1988 года, ~~шпишет~~ отрицательный ответ Прокуратуры, как видно из письма был дан уже 20 июля того же 1988 г.

В процессе проверки моего дела, произведенной в 1977 году КПК при ЦК КПСС совместно с КГБ СССР все обвинения против меня отпали на основе изучения архивных документов в ЦК КПСС и КГБ СССР. Заключение-справку о моей полной непричастности к преступлениям бывших руководителей НКВД-МГБ подписал тогда же председатель КПК тов. А. Я. Пельше. Р. А. Руденко ~~принимавший~~ покрывая допущенные сотрудниками грубые нарушения законности по моему делу, подписать указанное заключение, с которым меня знакомил зав. секретариатом КПК при ЦК КПСС, в июле 1977 г. отказался.

Я никогда не был доверенным лицом Берия. Военские звания комиссара гос. безопасности и генерал-лейтенанта, как установлено проверкой КПК, мне были присвоены не его приказами, ~~шпишет~~ в 1941 году, как сказано в обвинительном заключении и приговоре, а Постановлением Совета Министров СССР от 9 июля 1945 года в числе двухсот руководящих работников органов безопасности?

За тридцать с лишним лет работы в разведке все операции в которых я участвовал исходили не от Берия, а от ЦК партии. Кроме Дзержинского, Менжинского при которых я начинал работать, все другие: Ягода, Ежов, Меркулов, Абакумов, Игнатьев, Серов - разведку не знали и ею прямо не занимались. Разведывательно-диверсионные операции за рубежом и в тылу германо-фашистских войск проводились по прямому указанию ЦК партии. Все отчеты по проведенным мною специальным операциям хранятся в общем отделе ЦК КПСС, а один из них написан от руки на одной странице мною. Возникает вопрос: как можно обвинять меня в выполнении заданий, исходивших из ЦК партии, да еще настаивать на том, что мои действия по выполнению этих заданий являются преступными? А ведь Рекунков и другие настаивают на этом.

Это наносит большой политический вред престижу нашей партии и государства.

Как можно героические дела солдат, офицеров, коммунистов-интернационалистов, ставших позднее руководителями братских компартий,

входивших в состав возглавляемой мною Особой Группы НКВД СССР, реорганизованной в 1942 году в 4-е управление НКГБ СССР, оценивать, как записано в приговоре и обвинительном заключении, как "преступления по планам разработанным Судоплатовым в отношении советских граждан неугодных тогдашнему наркому внутренних дел".

Выходит что Берия были неугодны фашистские каратели Функ, Кубе, Ильген, главари ОУН Шухевич, Коновалец. Последним двум американская реакция поставила памятник в США. В архивах есть планы операций против этих злейших врагов нашего государства. Других планов операций специального характера разработанных мною нет ни в архивах, ни у обвинителей.

Как можно связывать деятельность возглавлявшегося мною разведывательного органа с тем, чем занимался самостоятельный, специальный отдел с его лабораториями, возглавляемый Филимоновым а до него Лапшиным. И тот и другой подчинялись непосредственно руководству НКВД-НКГБ СССР и действовали на основании специального Положения, предусматривавшего, что допуск в эти лаборатории имели те чьи подписи стояли под Положением, а именно: Филимонов - начальник отдела, комендант НКВД Блохин, Начальник первого спецотдела Баштаков, его зам. - Герцовский, научные сотрудники Муромцев, Митрановский. Положение о котором мне говорили в КПК при ЦК КПСС, подписанное названными людьми и утвержденное Берия и Меркуловым находится в ЦК партии. Моей подписи под этим Положением нет и не могло быть.

Рекунков в письме от 9 марта 1988 года № 3-40039-55 утверждает, что обстоятельства моей и Эйтингона "положительной службы за рубежом и в период Великой Отечественной войны", были суду известны и учтены. Рекунков лжет. Ни в обвинительном заключении, ни в приговоре о моей "положительной службе" ничего не сказано. Это первое обстоятельство, подтверждающее, что мое дело велось предвзято, с жестоким умыслом и обвинительным уклоном. Второе. Если признается нечто "положительное в моей работе в период войны", то как можно поддерживать пункты обвинительного заключения и приговора, где меня бездоказательно обвиняют в закулисных сговорах с Гитлером. Как можно продолжать клеветать на советского разведчика СТАМЕНОВА - бывшего в годы войны послом Болгарии в СССР. Этот человек был хорошо известен ДИМИТРОВУ, привлечен к сотрудничеству с внешней разведкой ОГПУ в 1932 году в Италии. С риском для жизни Стаменов сообщал важные сведения о намерениях противника Правительству СССР. Умер в социалистической Болгарии, будучи персональным пенсионером в почете и уважении в 1960 годах. ЦК КПСС и Правительство знали о сотрудничестве со Стаменовым еще до войны. Более того, Правительство СССР способствовало укреплению его положения на Родине. С личным делом

Стаменова я знакомил членов Президиума ЦК КПСС, в Кремле в августе 1953 года за две недели до ареста МАЛЕНКОВА, ХРУЩЕВА, МОЛОТОВА, БУЛГАНИНА. Хрущевым мне было официально заявлено, что ЦК ко мне никаких претензий не имеет и не усматривает в моих действиях, предпринимавшихся совместно с Молотовым, никаких ошибок или проступков.

Уважаемый Александр Яковлевич! Хочу обратить Ваше внимание, что в письме ветеранов КГБ т.т. Шихова, Колесникова, Алексахина в КПК при ЦК КПСС и КГБ СССР от 2 января 1989 года специально подчеркивается, как в присутствии полковника Алексахина, по приказу Серова знакомившегося с моим делом в Главной военной прокуратуре, из моего дела, по акту были изъяты записи, раскрывавшие преступную роль Хрущева и Серова в организации репрессий на Украине. Это были изъятые из моего сейфа блокноты. Они были доставлены и вручены Серову в августе 1958 года.

До сих пор при рассмотрении моих ходатайств работниками Прокуратуры Врублевским, Пышкиным, Монаховым продолжается все та же инерция отстаивания ошибочно принятого в 1953 году решения. В силу "пеховой" солидарности с коллегами, допустившими ошибку в отношении меня, Эйтингона и Серебрянского, работники прокуратуры не склонны ее исправлять /хотя в отношении Серебрянского они набрались политической мудрости и пошли на его посмертную реабилитацию/. Они отдают себя отчет в том, что все пункты обвинения против меня опровергнуты. Остается один факт, что я в 1941-1945 гг. был начальником самостоятельного подразделения, подчинявшегося наркому внутренних дел. И это подразделение называлось ОСОБОЙ ГРУППОЙ НКВД СССР. Это у них главный аргумент, которым они "отчитываются" перед ЦК КПСС и всеми КГБ пытается встать на мою защиту. У них получается так, раз я работал и руководил разведкой подчиняясь наркому внутренних дел, значит я виновен. А в чем конкретно, в каких деяниях ни в обвинительной заключении, ни в приговоре они не указывают и на доказательства даже не ссылаются. Потому что преступных деяний в моей работе не было и доказать противное нечем.

КПК при ЦК КПСС вник в существо моего дела не случайно. Речь идет о престиже КПСС в международном коммунистическом движении. Ряд руководителей братских партий, в том числе бывший у Вас на приеме в сентябре 1988 года тов. И. ШТАЙНЕР - секретарь ЦК Компартии Австрии, в прошлом нелегалы в Особой Группе НКВД СССР выражают недоумение по поводу того, что в документах Прокуратуры по моему делу и приговору Суда они числятся "особо доверенными лицами Берия".

Ныне в условиях расширения гласности и особенно после публикации в "Правде" 8 мая 1989 г. документальных материалов о деятельности советской разведки к чему я имел прямое отношение, у меня

возникает желание апеллировать к Съезду народных депутатов, к советской общественности, ознакомить их со справкой КПК, обвинительным заключением и приговором с тем, чтобы опровергнуть клевету на меня и возглавляемые мною подразделения, состоявшие из верных сынов нашей Родины, коммунистов братских компартий.

Примерно с 1944 года мне было поручено организовать и возглавить /по совместительству/ подразделение внешней разведки Спецкомитета по атомной проблеме при Совнаркоме СССР с целью добывания и реализацией внутри страны разведывательной информации для создания атомной промышленности в СССР. Эти операции противником не раскрыты, хотя наша информация регулярно поступала от меня, академикам Курчатову, Алиханову, Кикоину, т.т. Ванникову Б.Л. По их отзывам она более чем на 50% способствовала ускоренному созданию нашего атомного оружия. Ну, разве можно эту мою работу и работу всех моих подчиненных оценивать как политически вредную для Советского государства, даже при том, что мы находились в подчинении таких преступников как Берия и Абакумов?

Вся разведывательно-диверсионная работа во время войны и после войны за рубежом осуществлялась не по моим планам, как записано в приговоре, а по указаниям и директивам ГКО, Ставки, ЦК партии, крупных военачальников т.т. Жукова, Рокоссовского, Василевского, Захарова. Завизированный мною документ за подписями министра обороны маршала Василевского и министра госбезопасности Игнатьева о планах агентурно-диверсионной работы на базах НАТО вокруг СССР после войны находится в ЦК КПСС. Моя работа таким образом подтверждается не домыслами, подтасовками из показаний и фальшивками, а документами

Мне 82 года, несмотря на тяжелые болезни /два инфаркта,/ я не утратил веры в справедливость коммунистических идеалов, за которые боролся всю жизнь. Пишу не только жалобы, но и книги, занимаюсь переводами с украинского, белорусского, польского, немецкого языков. Опубликовал более 15 книг в том числе о видных деятелях коммунистического движения С.Косиоре, В.К.Курнатовском, Марцелии Новотко, Розе Люксембург в разных издательствах СССР.

Прошу объективно и непредвзято разобраться в моей судьбе, вникнуть в открывшиеся новые обстоятельства по делу по материалам КПК при ЦК КПСС, КГБ СССР и уголовного дела, реабилитировать меня.

Павел Анатольевич Судоплатов

27 июня 1989 г.